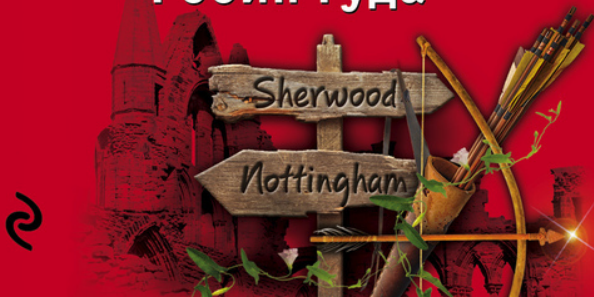

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Каждый год в день
летнего солнцестояния
за стеной средневекового
города собираются
посвященные. Они знают,
что все начнется в ту
самую минуту, когда лучи
восходящего солнца
позолотят наконечники
их стрел...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Волшебные стрелы Робин Гуда

Наталья Николаевна Александрова

Волшебные стрелы Робин Гуда

Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25933684
Волшебные стрелы Робин Гуда: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-004376-7

Аннотация

Все не то, чем кажется, даже в книгах, любимых с детства, – таких, например, как баллады о Робин Гуде. Лариса и думать не могла, что сама окажется героиней истории о благородном разбойнике, – и это в наши времена, когда разбойников стало видимо-невидимо, но о благородстве все забыли! Но вот ее через столетия и границы снова спасают стрелы Робин Гуда – защитника всех, кому требуется помощь, мудрого жреца, оживляющего древние камни, спящий металл, забытые слова и чужие сны...

Наталья Николаевна Александрова Волшебные стрелы Робин Гуда

© Александрова Н.Н., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Лариса выскочила из маршрутки, перебежала дорогу, вяло отмахнулась от негодующего гудка в спину, свернула в нужную подворотню и налетела на вывеску-раскладушку. Вывеска утверждала, что в этой самой подворотне находится парикмахерская. Очень дешевая, судя по прейскуранту, который значился здесь же.

Еще бы не дешевая, усмехнулась она про себя, если стригут в бывшей дворницкой, там небось и окон нет. И немедленно одернула себя: не время для сарказма, сама она в положении еще худшем. В этой дворницкой люди работают, а она в такой теперь будет жить.

Привычно кольнуло сердце – не зря ли согласилась, как жалко мамину квартиру, там все свое, родное, знакомое. Но

Лариса тут же взяла себя в руки. Дело сделано, назад не воротишь, все документы оформлены, теперь она – хозяйка крошечной квартирки на первом этаже большого старого дома. Бывшей дворницкой во втором по счету дворе. Что ж, может, она и неправильно поступила, и Машка ее ругала, но зато теперь у нее будет спокойная жизнь. А то уж поймала себя на мысли, что повеситься хочется. Причем всерьез.

Лариса помотала головой, чтобы отогнать неприятные мысли. Не время сейчас предаваться таким мыслям, дел полно, нужно хоть определить, что в первую очередь сделать в квартире.

Жильцы уже съехали, Нина Павловна обещала сделать это до двенадцати, а сейчас уже... Лариса взглянула на часы – четвертый час. На работе отгул взяла да утром прокопалась дома, пока вещи собирала. Всего и вещей-то у нее – чемодан да сумка небольшая.

Такая уж у нее была жизнь, что ничего не нажила. А мамино ей ничего не отдадут, даже мелочи, чашки битой и то пожалели. Уж как Антонина орала...

Лариса перехватила чемодан удобнее и вошла во двор. Двор как двор, мог бы быть и почище, но ничего. Слева фирма какая-то располагается, так у них под окнами даже цветочки посажены, в другом углу – ржавые контейнеры для мусора, две лавочки, которые давно пора покрасить, да видно некому.

Она пересекла двор и вошла в следующую подворотню.

Вот и ее квартира. Тоже бывшая дворницкая, только никто ее в нежилой фонд не перевел, отцу досталась она года полтора назад по наследству от какой-то умершей двоюродной тетки. Лариса ее и в глаза-то никогда не видела, отец с ней отношений никаких не поддерживал.

А квартирка вот осталась.

Антонина тогда только шипела – на тебе, боже, что нам негоже, потому что у тетки еще дача, оказывается, была на Карельском перешейке. Дом старый, но участок большой. Но дачу тетка другим дальним родственникам отписала.

Лариса тогда не вмешивалась – ей-то какое дело, тетка не ее, отец тоже в споры не вступал. Антонина сама в квартире кое-как прибралась и сдала ее приличным, как она говорила, людям. Муж с женой приехали откуда-то из глубинки, она музыку преподает в музучилище, у него тоже вроде профессия какая-то интеллигентная.

И видно, мысль насчет Ларисы засела у Антонины в голове. Еще бы, падчерица как бельмо у нее в глазу.

Квартира у них хорошая, просторная, три комнаты, кухня пятнадцать метров – хоть танцуй, говорила в свое время мама. И обустроила она квартиру прекрасно. Недолго только там прожила, тяжелая болезнь ее свалила. Мама мужественным человеком была, бороться пыталась. Да только все без толку.

Когда умерла мама, Лариса уж институт оканчивала, мама еще сказала ей, что оставляет ее без страха, что она рада, что

успела дочку вырастить, дать ей образование, и теперь Лариса позаботится об отце. Потому что мужчине трудно быть одному, ему поддержка нужна во всем, не только в быту.

Да, недолго папочка продержался, меньше года. Лариса тогда отдыхать уехала с подружкой, а как вернулась – тут-то он их с Антониной и познакомил.

Снова Лариса помотала головой, чтобы отогнать плохие мысли. Что уж теперь это все пережевывать, дело прошлое. У нее теперь будет новая, самостоятельная жизнь.

Она бросила чемодан и открыла сумку, чтобы найти ключ от двери. Дверь была старая, железная, краска вся давно облупилась, да еще нацарапано было на самом виду неприличное слово. Это уже местная шпана постаралась.

Ключ куда-то подевался, Лариса полезла в глубь сумки, задела случайно ручку чемодана, он опрокинулся, она потянулась, чтобы его удержать, и налетела на дверь. Дверь немедленно открылась, она оказалась не заперта. А она-то ключ искала...

– Нина Павловна! – крикнула Лариса, втаскивая чемодан через порог. – Вы дома? Это я, Лариса...

Последнее слово застряло у нее в горле.

Квартира была не та. То есть была она здесь пару раз, сначала с Антониной, потом одна забегала. Квартирка, конечно, не подарок – первый этаж, единственное окно выходит во двор, так что света очень мало, это Лариса сразу увидела.

А в остальном все было не так и плохо. Комната очень

большая, самоделной стеночкой отделена кухонька и закуток с душем и туалетом. Даже прихожая крошечная имелаась. В кухне – линолеум хоть и потертый, но не дырявый, в комнате – узорчатое ковровое покрытие. Мебели мало – диван, телевизор, столик небольшой. Это все, разумеется, принадлежало жильцам. То есть съемщикам.

Нина Павловна, как представилась жиличка, с виду женщина была вполне приятная, вежливая, улыбочивая. Может быть, даже слишком. Немножко портил ее золотой зуб, торчавший вперед, казалось, что, кроме этого клыка, у нее и зубов-то во рту нет. Но Лариса старалась на зуб не смотреть – в конце концов, что ей за дело, она эту женщину в первый и последний раз видит.

Были еще в комнате шкаф и двуспальная кровать, отделенная занавеской в крупных алых маках.

– Это мы все заберем, – сказала Нина Павловна и властно повела рукой вокруг.

– Конечно-конечно, – ответила Лариса. Ей чужое ни к чему.

Выйдя на улицу, она вздохнула и оглянулась на единственное окно дворницкой, забранное заржавленной решеткой. Нина Павловна приветливо махнула ей рукой. И Лариса подумала, что жильцы и правда приличные люди. Квартирка, конечно, не ах, но она ведь и раньше знала, что это бывшая дворницкая. Зато она никогда больше не увидит распахнутый в крике рот Антонины, не услышит ее визгливый, ис-

теричный голос, не заметит нависшие брови отца.

Отец и раньше был молчалив, а теперь и вовсе замолчал, только смотрел на нее хмуро из-под бровей. Жалобы ее на Витьку пресек сразу – не вмешивай меня в ваши бабские разборки, могла бы ради меня и уступить в кои-то веки.

Витька – это отдельный кошмар ее жизни. Как только Лариса подумала, что переедет сюда и никогда больше, только представить – никогда! – не увидит этих злобных маленьких глазок и жидких волосенок, не услышит шипенья и хихиканья под дверью ее комнаты, не будет опасаться каких-то мелких гадостей вроде чернил, налитых в ящик стола, или обувной щетки, подложенной под подушку (откуда Витька набралась только этой коммунальной науки, не иначе – из старых советских фильмов), так сразу же побежала к нотариусу и подписала документы на квартиру недрогнувшей рукой.

Витька – это Виктория, дочь Антонины от первого брака. Антонину бы еще Лариса скрепя сердце стерпела, но вот ее доченьку...

Короче, дело с квартирой было сделано. И они договорились с Ниной Павловной, что жильцы съедут сегодня, в двенадцать.

Они и съехали. И теперь Лариса с изумлением, переходящим в ужас, осматривалась в прихожей.

Квартира была не та. Где старинная кованая вешалка из прихожей и полочка для ключей? Эти вещи были выдраны с мясом, и обои в тех местах висели клочьями.

Совершенно машинально Лариса оглянулась, чтобы закрыть дверь, и увидела, что в железной двери нет замка. Оттого она и не была заперта. Замок был тоже вырезан, небось специальным инструментом орудовали. Как он называется? Кажется, болгарка.

Лариса прислонила к двери чемодан и на негнущихся ногах прошла в комнату. Хоть в глубине души она и была готова к неприятностям, действительность превзошла самые худшие ее ожидания.

Комнаты не было. Вместо нее были руины, сарай, хлев, только что не пепелище. В комнате стоял стойкий запах пыли и еще чего-то очень неприятного. В гулкой пустоте слышно было ее, Ларисино, дыхание. Обои, которые ранее удачно загораживала мебель, теперь оказались старыми, рваными и выцветшими. Карниз исчез вместе с занавеской. И самое главное – в комнате не было пола. То есть то самое, вполне себе симпатичное ковровое покрытие, которое лежало на полу, было выдрано вместе с плинтусами, а вместо пола теперь оказались доски, которые даже на несведущий Ларисин взгляд выглядели совершенно гнилыми. Да на них ступить страшно!

Лариса почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног, и ухватилась за стену. Не хватало еще шлепнуться в обморок в эту грязь! Никто ведь не придет, хоть помри в этом гадюшнике.

Перед глазами плясали красные мухи, и она, сжав зубы,

аккуратно прошла по самой прочной на вид доске на кухню.

Лучше бы она этого не делала, поскольку кухни тоже не было. Ни столика, ни шкафчика, ни холодильника (ясное дело!), ни даже газовой плиты! Раковина, правда, была, но зато не было крана, так что воды не набрать.

Ларисе ощутимо стало плохо. Все тело покрыла испарина, и сердце заколотилось сильно-сильно. Да еще и в ушах забухал молот, как будто сваи забивают.

Это уже серьезно, знала она такое за своим организмом – от стресса температура повышается и давление. Нужно срочно умыться холодной водой.

Шатаясь, она побрела в закуток, где был душ. Хорошо, что идти недалеко. Она открыла узенькую дверцу и остолбенела. В закутке не было ничего. Ни душа, ни унитаза. Старый, облупившийся поддон смотрел на Ларису нагло – на вот тебе, выкуси! Из голой фановой трубы несло канализацией, так что Ларису затошнило. Однако этот запах привел ее в чувство, как приводит в чувство резкий запах нашатырного спирта. Ларисе больше не хотелось упасть в обморок, ей хотелось немедленно кого-нибудь убить. Она выскочила в комнату, дрожащими руками тыкая в кнопки телефона.

– Нина Павловна! – закричала она, услышав ответ. – Да что же это такое?

– Что конкретно вы имеете в виду? – холодно спросили ее. – Чем вы недовольны?

– То есть как это? – От волнения голос у Ларисы сорвал-

ся. – Что вы сделали с квартирой? Это же форменное безобразие! Это вандализм! Вы оставили голые стены! Да и стены...

– Я же предупреждала вас, что все заберу!

– Да, но я думала, что...

– И вы согласились!

– Да, но я думала, что только мебель...

– При чем здесь мебель? К вашему сведению, все было сделано нами! Когда мы въехали в эту квартиру, там ничего не было. Или было в таком состоянии, что все пришлось менять! Или вы хотите, чтобы я все новое оставила вам за просто так?

У Ларисы промелькнула мысль, что назвать обстановку этой квартиры новой мог только человек с очень богатым воображением. Но в данный момент не это было важно.

– Но вы должны были предупредить, – проговорила она растерянно, – и вообще, по закону вы обязаны оставить квартиру в таком состоянии, чтобы в квартире можно было жить!

– Ничего не знаю, – отчеканила Нина Павловна, – я вам квартиру не продавала, я ее просто снимала. Спрашивайте с тех, с кем вы договор подписывали. И больше прошу мне не звонить! Иначе мне придется сделать заявление о телефонном хулиганстве!

Вслушиваясь в короткие гудки, Лариса представила, как будет рассказывать об этом отцу. И как Антонина скажет, что она сама полная дура, и как Витька будет злобно хихи-

кать. Нет, это уж слишком! Такой радости она им не доставит.

Оставался последний выход, единственный человек, к которому можно обратиться всегда, в любое время дня и ночи.

– Машка, – едва слышно сказала Лариса в трубку, – все плохо. Все просто ужасно.

– Что плохо? – откликнулась Машка. – Лиса, ты пьяная, что ли? Язык заплетается?

– Я в квартире. Здесь такое... В общем...

– В общем, я приеду прямо сейчас. – Машка по голосу ее определила, что дело и правда серьезное.

Сорок минут в ожидании подруги Лариса провела, сгорбившись на чемодане в прихожей и наблюдая за входной дверью. Хоть красть в этой квартире больше нечего, все равно будет противно, если кто-нибудь вломится.

За это время ей даже малость полегчало, притерпелась к своему несчастью.

Машка была старой проверенной подружкой – с первого класса за одной партой сидели. Родители были против их дружбы, поскольку Машка была, по выражению учительницы, «девочкой из неблагополучной семьи». У Машкиной матери было трое детей и ни одного мужа. То есть какие-то мужчины в их квартире время от времени проживали, так и дети случились, смеялась Машкина мать тетя Вера, но надолго мужчины не задерживались.

Впрочем, тетя Вера не слишком по этому поводу расстра-

ивалась. Машка была в семье младшей, перед ней шел Борька, а самая старшая сестра звалась Милка. Милку вроде бы подражали присматривать за младшими, но у нее плохо получалось. Ей хотелось гулять и развлекаться, так что с первого класса Машка была предоставлена самой себе.

Она умела много такого, о чем Лариса и понятия не имела, — могла отпарить юбку, вымыть полы во всей квартире и даже сварить борщ. Еще Машка ничего не боялась и умела найти выход из любой самой неприятной ситуации.

Со временем Ларисина мама сумела разглядеть в Машке эти качества и не препятствовала больше их дружбе.

После девятого класса Лариса перешла в другую школу, а Машка пошла учиться парикмахерскому делу. Они стали видеться реже, но дружба не прервалась и в институте. Потом заболела мама, и Лариса вряд ли выдержала бы этот кошмар без Машки. Потом... потом отец привел в дом Антонину с Витькой. Здесь Машка, конечно, ничего не могла сделать, только утешить и отвлечь от грустных мыслей. У нее самой жизнь не налаживалась. Были в ее жизни какие-то парни, но все, по ее выражению, какие-то недоделанные. Замуж Машка категорически не хотела, да никто и не предлагал.

Мать ее вышла на пенсию и завела себе хронического алкоголика дядю Федю. Он задержался в семье надолго. Сестра Милка родила сына, подбросила его матери, а сама (кукушка такая!) уехала за очередным хахалем во Владивосток да и пропала из вида. Брат отслужил в армии, женился, запил,

развелся, подшился, снова свелся с женой, потом она его выгнала, потом он нашел другую, та его вскоре тоже выгнала, потом опять приняла, а дальше не только Лариса, но и Машка запуталась в этих бесконечных и сложных перемещениях.

Вся эта семейка держалась только на Машке, ее побаивались все, начиная с безобидного алкоголика дяди Феди и кончая беспородной собакой по кличке Генка.

Лариса впала в какое-то тяжелое оцепенение и очнулась оттого, что в дверь со всей дури бухнули кулаком. Дверь ответила густым негодующим гулом.

– Лиса! – гаркнула Машка за дверью. – Ты здесь, что ли?

– Здесь, – вздохнула Лариса, – где мне еще быть. Это теперь мой дом, чтоб его совсем...

Это у нее в школе было такое прозвище – Лиса, так Ларису сократили.

Машка вошла и остановилась на пороге.

– А ты чегой-то на чемодане сидишь? – удивилась она, но сразу все поняла.

Она оглядела прихожую, потом пошла в комнату. Лариса со стоном потащилась за ней. Машка внимательно оглядела комнату, топнула ногой в пол и удовлетворенно хмыкнула, увидев, что нога едва не провалилась. Затем она попыталась открыть окно и вздохнула, когда ржавый шпингалет остался у нее в руках.

В кухне Машка только головой покрутила.

– И плитку поперли? Ну и размах!

– Ты в туалете посмотри, – мрачно предложила Лариса.

– Ого! – восхитилась Машка. – И унитаза нет! Нет, это действительно впечатляет!

– Нет, – скорбно подтвердила Лариса, – ничего нет. Ни кранов, ни ручек, ни лампочек, замок из двери и то вытащили. Вот какие жильцы попались.

– И ничего особенного, – отмахнулась Машка, – у меня клиенты каких только ужасов не рассказывают.

– Да что мне до твоих клиентов? Что теперь делать-то? Здесь жить нельзя! Воды и то нет!

– Да уж, – кивнула Машка, – ни умыться, ни попить, ни пописать, ни поплыть... Круто! Значит, так. Собирай свои манатки, проживешь пока у меня.

– Да вас там как сельдей в бочке!

– А вот и нет! – обрадовала Машка. – Мать со своим алкоголиком в деревню на неделю уехала и Максимку с собой взяла. А Борька со своей бабой снова помирился, так что сейчас у нее обретается. Заживем с тобой в тишине, как принцессы!

– А с этим что делать? – Лариса обвела рукой комнату. Вернее, то, что когда-то было комнатой.

– А с этим... – Машка набирала номер на телефоне, – с этим Лапоть поможет.

– Какой еще лапоть? – по инерции спросила Лариса.

– Лиска, включи мозги! – посоветовала Машка. – Ты что, совсем того, Лаптя уже не помнишь?

– Да помню я, – обиделась Лариса, – его разве забудешь, просто откуда он взялся-то?

Лешка Лаптев по прозвищу Лапоть учился с ними в одном классе, а после девятого ушел в колледж. Не то чтобы в школе они особенно дружили. Лешка был здоровый, молчаливый и некрасивый – вечно растрепанные соломенные волосы, нос картошкой, морда в веснушках даже зимой. Кажется, в четвертом или пятом классе он пытался таскать Ларисин портфель, но она не позволила. А впрочем, возможно, она просто не так его поняла. Объяснить внятно Лапоть ничего не сумел, да она и не спрашивала.

Лариса не видела Лешку уже лет пять, а может, и больше. Странно, вроде бы живут в одном районе, а вот не встречались.

– Как – откуда взялся? – удивилась Машка. – Вроде никуда не девался, из города не уезжал. В общем, я его недавно встретила, как раз телефон взяла, он мастером по ремонту работает, если что надо, сказал – обращайся. Так вот ты к нему и обратишься.

– Чего это я буду к нему обращаться? – фыркнула Лариса. – Он ведь не мне, а тебе это говорил.

– Лиска... – угрожающе начала подруга.

– Что? – Лариса заговорила на повышенных тонах. – Что ты ко мне прицепилась со своим Лаптем?

– Кончай дурить, – припечатала Машка, – у тебя денег много?

– Мало, – честно сказала Лариса. – Думала, прикуплю кое-что из мебели и посуду, а с ремонтом пока подожду. И вот...

– Не реви! – привычно приказала Машка. – Вот поэтому вызовем сейчас Лаптя. Он приедет, посмотрит и честно тебе скажет, что здесь можно сделать. И денег за консультацию не возьмет. Замок, опять же, вставит. Мы ж его как облупленного знаем.

С Лаптем договорились быстро. Машка назвала ему адрес и сказала, чтобы приезжал, как только сможет. А они его ждать не будут, дверь не заперта – замка нет, так что пускай Лапоть и озаботится. Если Лапоть удивился, то ничего не сказал, он вообще, как уже говорилось, был парень молчаливый.

Привязали к ручке веревочку, чтобы дверь не распахивалась от любого сквозняка, и поехали к Машке.

Едва открыли дверь, Машка прыгнула в сторону. Лариса замешкалась и едва не была свалена наземь здоровенным псом непонятной дворовой породы. Пес с размаху кинулся ей на грудь, бурно приветствуя и пытаясь облизать.

– Генка, да отстань ты! – отбивалась Лариса. – Дай пройти!

– Отставить! – гаркнула Машка. – Место!

Машку в этой семье слушались все, поэтому пес смиренно отправился в угол.

В свое время Машкина мать отбила пса у мальчишек, ко-

которые дразнили его возле магазина. Они сказали, что какой-то мужик привязал его и ушел, сказав, что зовут собаку Генералом, ему два года, а он больше кормить этого обжору не может, да и жена ругается.

Мальчишки кидали в собаку палками, один уже взялся за камень. Тетя Вера собак не боялась, с детства росла в лесничестве, там у ее отца здоровенные псы были. Она отогнала мальчишек и подошла к несчастному псу. Он порычал немного и успокоился. И смотрел так проникновенно, что она не смогла уйти и привела его домой.

Имя Генерал ему совершенно не подходило. Гораздо лучше ему подошло бы, скажем, Прапорщик. Или Сверхсрочник.

Пес был обжора и хулиган. Он совершенно не поддавался дрессировке и на каждой прогулке норовил удрать. Первое время новые хозяева бегали за ним с криками, потом призывали к его отлучкам.

Выяснилось, что Генка, как его звали в семье, необычайно любвеобилен. Убежав на прогулке, он начинал поиск собачки дамского пола в интересном состоянии и не успокаивался, пока поиски не завершались успехом. Причем выбирал исключительно чрезвычайно породистых, ухоженных красавиц.

Первой в его донжуанском списке была палевая лабрадорша – совсем молоденькая, на выданье. Об этом сообщила ее рыдающая хозяйка – она присутствовала, как сама вырази-

лась, при этом ужасе и ничего не смогла сделать. Лабрадор-ша, кстати, выглядела вполне удовлетворенной и ни на что не жаловалась.

Затем были две восточноевропейские овчарки, американская бульдожка, далматинка с прекрасной родословной и даже собака экзотической породы мастино неаполитано. Впрочем, там, кажется, до дела так и не дошло, хозяин свое сокровище отбил в честном бою.

Остальным повезло меньше. Приходили ругаться, грозились Генку убить – чего не скажешь под горячую руку. Машка виртуозно отлаивалась. После шестого случая Лариса, будучи в гостях у Машки, предложила переименовать Генерала в Генриха Восьмого, известно ведь, что у этого английского короля было шесть жен. Правда, не одновременно, а по очереди. Когда ему надоедала очередная жена, он приказывал ее обезглавить и женился на следующей.

Сейчас пес смиренно сидел в уголке, бросая на Ларису умильные взгляды. Она вытащила из сумки бутерброд с сыром. Дома приготовила, чтобы перед сном чаю попить на новом месте.

– Что скисла? – Машка всегда умела определять ее настроение по лицу. – Не ной, прорвемся!

Они выпили пива, что осталось в холодильнике от Борьки, и съели ужасающее количество котлет, которые нажарила перед отъездом тетя Вера. От обильной еды Лариса ословела, и все неприятности как-то улетучились из головы.

Машка постелила ей на материном диване и ушла к себе.

Лариса думала, что заснет, едва коснувшись головой подушки, но сон не шел. Она думала о том, что как же так бывает – вроде бы у Машки семья неблагополучная, и тетя Вера в жизни ни одной книжки не прочитала, и пишет небось с грамматическими ошибками, но вот уехала в деревню, а о дочке подумала. Знает, что та с работы придет голодная, вот и нажарила котлет перед отъездом. И если бы они все дома были, а Машка ее, Ларису, привела, тетя Вера и слова бы не сказала, постелила бы ей на раскладушке, хоть и тесно у них. Живи, сказала бы, сколько надо, раз уж такое дело. Вот так.

А ей, Ларисе, не то что котлет нажарить, а если все плохо, то обратиться к семье невозможно. Хотя всегда считалась она девочкой из приличной семьи, да где она, та семья-то?

Конечно, если бы мама была жива, тогда все по-другому было бы. Но мама умерла, так ведь отец-то жив-здоров! А после маминой смерти они друг с другом и не поговорили толком ни разу. Как будто дочка ему и не нужна совсем.

Бабушка умерла рано, а о родителях отца она ничего не знала. Вроде бы мама говорила когда-то, что они отца когда-то сильно обидели, и с тех пор отец с ними не общается. Тогда Лариса не обратила на эти слова никакого внимания – такие вещи ее не интересовали в юном возрасте, – а теперь вот задумалась. Это же как сильно нужно обидеть человека, чтобы он прекратил общение с родной матерью...

Может, не сразу, но потом все-таки поинтересоваться, как

она живет, здорова ли, не нужно ли чем помочь... Нет, никаких разговоров об этом она не помнит. Наверно, они умерли. Так что же, отец и на похороны не ходил?

В конце концов, это его дело. Но, с другой стороны, вот какая-то двоюродная тетка была. Он и с ней не общался, а она ему квартиру оставила. Ох, лучше бы она этого не делала!

Лариса устыдилась – тетка-то при чем? Это все Антонина жильцов пустила. Надо же, приличные интеллигентные люди, музыку преподают. Ужас какой в квартире этой!

От таких беспокойных мыслей Лариса заворочалась на старом продавленном диване, пружины заскрипели. Открылась дверь комнаты, и явился Генка.

– Только попробуй! – грозно прошептала Лариса.

Генка понял, что на диван лезть не стоит, за это может влететь. Он шумно завозился внизу на коврик, потом долго и со вкусом чесался, наконец затих.

Было тихо, только на кухне тикали старинные тети-Веринны ходики. И вдруг Лариса даже села на диване. Господи, у нее же есть Вадим! Со всей этой кутерьмой она совершенно о нем забыла! Надо же, до чего дойти – забыть о любимом человеке!

Она тут же усмехнулась в темноте. Привыкла уже относиться к своим чувствам с легкой иронией, иначе совсем тошно. Они знакомы... сколько уже они знакомы? Почти два года. Только встречаться начали год назад. Да и то встречи

эти какие-то... незаконченные, что ли.

Вадим работал когда-то у них в офисе, потом уволился. Вроде бы девчонки сплетничали, что был у него роман с одной девицей из рекламного отдела, она потом тоже уволилась.

Ларисе он нравился, но Тамара Ивановна из бухгалтерии перехватила как-то ее взгляд, брошенный исподтишка на Вадима, и сказала что-то едкое и насмешливое.

Лариса сделала непонимающие глаза, кажется, у нее получилось, во всяком случае, бухгалтерша добавила вполне человеческим голосом, чтобы Лариса держалась от этого типа подальше, с него, мол, толку все равно не будет. Лариса пожалала плечами и отошла, разозлившись на беспардонную тетку. Вот какое ей дело?

Однако она поняла, что нужно быть осторожнее. Если эти ведьмы из бухгалтерии что-то заметят, то проходу не дадут.

Вдвоем с девицей из рекламного отдела Вадима никто не видел, однако та ходила бледная и похудевшая. Потом Вадим уволился, и Лариса с сожалением выбросила его из головы. Не вышло – значит не вышло. Не судьба.

А через несколько месяцев они встретились в ресторане, куда Ларису пригласили знакомые. Вадим тоже был с большой компанией и без пары, так что их никто не отвлекал друг от друга. Они чудно провели вечер – танцевали, болтали, не касаясь прошлой его работы в офисе и девицы из рекламного отдела.

В конце вечера Лариса поняла одно: он свободен и не против новых отношений. А как уж там пойдет дальше – время покажет, заранее гадать бесполезно.

Он ей нравился, очень нравился, однако следовало держать себя в руках и не показывать ему своих чувств.

Они стали встречаться – нечасто, чтобы не надоесть друг другу, как, смеясь, говорил он. Вадиму от роду было тридцать три года, он был хорош, неглуп и успешен. Зарабатывал достаточно, ездил на дорогой машине, выплачивал ипотеку за квартиру.

Он ей нравился очень сильно, наверное, она была в него влюблена. Но держала себя в узде. Потому что, как только он узнает о ее чувствах, то ее бросит. Не сразу, конечно, без скандала и хамства, просто начнет отдаляться, отменять встречи, отговариваться делами и плавно сведет их связь на нет.

Современные молодые женщины твердо знают одно: современные молодые успешные мужчины не женятся. Они и так прекрасно живут, так что не хотят обременять себя семьей.

Они вовсе не лентяи, и к ним не подходит выражение «пустое место». Они много работают, чтобы достичь в жизни если не богатства, то обеспеченного уровня, и не хотят делить свой успех ни с кем.

Это только дурочки из провинции думают, что, прельстившись их красотой и молодостью, мужчины просто

жаждут посадить их себе на шею. В последние несколько лет все изменилось. Теперь такой мужчина скорее заинтересуется женщиной, которая твердо стоит на собственных ногах, в надежде что она хоть не будет устраивать ему сцен из-за новых туфель или сумки.

Лариса отлично это понимала. И хоть с карьерой не слишком у нее ладилось, да, если честно, она и не собиралась пожертвовать всем остальным ради карьеры, однако все же старалась, чтобы на работе ею были довольны. Платили относительно прилично, за такую работу нужно держаться. Иногда она даже отговаривалась от свидания с Вадимом работой – дескать, начальник требует сверхурочных. Пусть Вадим знает, что ее интересы сосредоточены не только на нем.

Вроде бы все шло у них неплохо, во всяком случае, они никогда не ссорились. Съездили вместе в отпуск, провели две недели на море. И после продолжали встречаться, стало быть, она его не раздражала, когда была все время рядом. Но Лариса чувствовала все же смутное беспокойство. Как-то все было неустойчиво, ненадежно, в любой момент жизнь могла подбросить неприятный сюрприз.

Она тщательно следила, чтобы в разговоре не коснуться никаких далеко идущих планов. Дескать, мы вместе то, мы вместе это... Ему может это не понравиться, он насторожится.

С другой стороны, при таком подходе получалось, что их почти ничего не связывает. О будущем они не говорили, о

чувствах своих – тоже, так что если надумает Вадим с ней расстаться, его ничто не удержит. Рано или поздно надоест она ему, при таком-то раскладе. Вполне может быть.

Лариса была не то чтобы очень умной, но она всегда реально оценивала свои силы, это мама так ее воспитала. «Перед собой, – она говорила, – нечего вид делать и щеки надувать. Себе можно всю правду говорить».

Может быть, поэтому Лариса и согласилась на эту квартиру. У нее появится свое собственное жилье, и кто знает? – возможно, это поможет как-то изменить их отношения с Вадимом.

Она никогда не оставалась у него на ночь, он говорил, что может спать только один. Она возвращалась домой на такси поздно ночью, и, когда бы это ни случилось, Антонина всегда встречала ее в прихожей и ворчала, что Лариса шляется где-то, а отцу нужен покой, поскольку он человек немолодой, а какой может быть покой, когда в три часа ночи дверью хлопают.

Шуму было больше от самой Антонины, к тому же Лариса прекрасно знала, что отец спит крепко, еще мама смеялась, что его из пушки не разбудишь.

Домой, ясное дело, Лариса Вадима никогда не приводила – еще не хватало, с Витьки станется шнурки ему на ботинках завязать или сигарету распотрошить и в карман пальто насыпать. Да мало ли что еще придет в ее голову. Просто даже удивительно – девке шестнадцать лет, а ума, как у ше-

стилетней.

И отдельная квартира предоставит некоторый шанс изменить отношения. Вадим будет приходить к ней, мужчины в этом смысле ленивы, ему не захочется никуда ехать среди ночи, и он будет оставаться до утра. А там – совместный завтрак, что тоже сближает, и так постепенно он привыкнет.

Так Лариса думала до сегодняшнего дня. До тех пор, пока не увидела квартиру. Да, вопрос с Вадимом придется снять с повестки дня на неопределенное время.

Она представила, какое у него будет лицо, когда он увидит то, что увидела она сегодня. Как стоит он посреди комнаты, боясь ступить на гнилые доски в своих дорогих итальянских ботинках, и морщится от отвращения.

Нет, эта квартира и Вадим – две вещи несовместные, как утверждает классик. А ведь она, дура, не удержалась, сказала ему, что у нее теперь будет своя собственная отдельная квартира. Опять-таки, язык мой – враг мой!

Утром Машка спала долго, потому что ей в салон нужно было во вторую смену, Лариса же напилась чаю и убежала на работу. Хорошо, что сослуживцам не наболтала насчет квартиры и на новоселье не пригласила, хоть на это ума хватило.

К обеду позвонил Лапоть, сказал, что замок он вставил и может подвезти ей ключ. Лариса подумала немного и отказалась – не к чему его приваживать, вездесущие тетки из бухгалтерии начнут расспрашивать, кто такой, да откуда, да кем

ей приходится, да какие между ними отношения и так далее.

Истинно говорят: большой офис – как большая деревня, все обо всех знают.

Лариса сказала, что отпросится с работы пораньше и придет в квартиру. Если у Лаптя и были какие-то другие планы, то он их скорректировал.

Как оказалось, она правильно сделала, потому что Лапоть выглядел ужасно. Здоровенный, руки как лопаты, волосы растрепаны и торчат в разные стороны. Черты лица как будто вырублены топором: нос как большая картофелина, рот как у лягушки, уши как лопухи. Только веснушки остались прежними да голубые глаза цвели на лице, как васильки посреди поля.

И одет был Лапоть соответственно – в рабочую робу. Нечему удивляться.

Относительно квартиры Лапоть ничем не порадовал: ремонт предстоит большой, малым здесь не обойдешься.

– Черновой пол прогнил и лаги тоже, – обстоятельно объяснял он, и Лариса даже не спросила, что такое лаги. – Трубы, конечно, заменить, без этого никак, сантехнику опять же. Потолок ничего, подштукатурить и покрасить, окно целое, решетка тоже, стены выровнять, обоями поклеить – это самое простое.

– В общем, начать и кончить, – со вздохом сказала Лариса.

– Ничего, всю грязь отсюда вынесу, сразу легче станет! – ободрил Лапоть.

Условились, что весь демонтаж, предшествующий ремонту, Лапоть произведет сам, а Лариса завтра, в субботу, ему поможет, все равно деться некуда.

Снова она ночевала у Машки. Котлеты кончились, и они заказали на дом огромную пиццу с ветчиной и маринованными огурчиками. Машка честно поделила пиццу на три равные части, и Генка получил свою законную порцию.

– Ему не вредно? – спросила Лариса, глядя, как пес упивается пиццу. – Все-таки она с перцем...

– Я тебя умоляю! – отмахнулась Машка. – Он и целую сожрет – не икнет!

– Лиса! – донесся из коридора придушенный голос Лаптя. – Лисичка, погляди-ка сюда!

– Что такое? – Лариса выглянула в коридор из комнаты, где она отдирала со стены едва ли не десять слоев старых обоев, перемежающихся газетами.

Надышавшись пылью, она едва не задохнулась, тогда Лапоть уговорил ее надеть респиратор.

Лапоть с задумчивым видом стоял возле стены, с которой он только что соскреб приличный слой старой штукатурки. Из рта у него торчали несколько гвоздей. Лариса вспомнила картинку из учебника биологии, на которой была изображена лягушка, изо рта которой торчали лапки недоеденного кузнечика. Эта картинка иллюстрировала главу о пищевой пирамиде.

Сейчас Лапоть был удивительно похож на ту лягушку –

круглые выпученные глаза, большой рот, из которого торчат во все стороны гвозди, как те самые лапки... только растрепанные соломенные волосы нарушали это сходство. Эти волосы да круглые, как пуговицы, голубые глаза делали Лаптя похожими на Страшилу. Страшилу Мудрого из книги «Волшебник Изумрудного города». Точно, вылитый Страшила. Лариса едва скрыла улыбку.

– Что такое? – повторила Лариса, подойдя к нему.

– Да вот эта стенка... странно как-то. – Лапоть показал пальцем на стенку перед собой.

– Что в ней странного? – Лариса взглянула на эту стенку – хлипкая, подгнившая дощатая стена в заплатках, оставшихся от многолетнего напластования старых газет и обоев. На одной из газетных заплаток просматривался выцветший заголовок – «Исторические решения съезда партии – в жизнь».

– Так что тебя смущает в этой стенке? – повторила она. – По-моему, такая же, как все остальные. Такая же, как все в этой квартире. Ветхая, старая, гнилая, никчемная...

– Такая, да не такая, – рассудительно проговорил Лапоть. Из-за гвоздей во рту он шепелявил больше, чем обычно. – Шмотри, на кухне от штены до штены два с половиной метра, а здесь – полтора, точнее, метр шестьдесят...

– Что? – удивленно переспросила Лариса. – Ничего не понимаю. Какие полтора метра? О чем ты вообще говоришь?

– Я говорю, что здесь в штене какая-то пуштота, – прошепелявил Лапоть. Потом он выплюнул гвозди на пол и по-

вторил более четко и членораздельно: – В стене какая-то пустота.

– Пустота? – переспросила Лариса.

– Ага. – Лицо у Лаптя стало загадочное и мечтательное. – А иногда в старых домах находят клады... представляешь – вдруг у тебя там клад? Например, шкатулка с драгоценностями. Или котелок со старинными золотыми монетами.

– Слабо верится, – вздохнула Лариса. – Я от жизни никаких приятных сюрпризов не жду. Одни гадости.

– Лермонтов, – проворчал Лапоть.

– Что? Какой Лермонтов?

– Михаил Юрьевич. «Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть».

И Лариса вдруг вспомнила, как молчаливый, туповатый с виду Лапоть в девятом классе на уроке литературы вдруг прочитал наизусть всю первую главу «Евгения Онегина».

Он бы и дальше читал, но опомнившаяся литераторша его своевременно прервала, чтобы вернуться к программе. А поначалу-то они все, включая гримзу-литераторшу, просто онемели от удивления. Уж очень не подходил Лапоть к классической литературе. Точнее, она к нему не подходила.

Лариса взглянула на Лаптя внимательно, и он тотчас отвернулся и покраснел, даже уши стали малиновыми.

– Да ну тебя! – рассмеялась Лариса. – Короче, что конкретно ты предлагаешь?

– Предлагаю ее сломать. Даже если там нет никакого кла-

да, мы выиграем целый метр пространства. А жизненное пространство всегда ценно. В этой нише можно душ сделать, тогда в санузле стиралку небольшую поставить...

– Раз ты так считаешь – ломай, – неуверенно согласилась Лариса. – А при этом потолок не рухнет? Эта стена не несущая? Или как там это называется...

Лариса ничего не понимала в строительном деле, но насчет несущей стены где-то слышала.

– Эта? – Лапоть фыркнул и постучал по стене костяшками пальцев. – Да она и так держится на честном слове... ее пальцем проткнуть можно. Да на нее дохнешь – она рухнет. До сих пор она держалась на обоях, а теперь неизвестно на чем. Если бы она была несущая – все давно бы уже рухнуло. Так что, ломаем?

– Ломай, – вздохнула Лариса.

– Только ты на всякий случай отойди.

Лапоть взял топор и замахнулся.

– Эх, ломать – не строить!

Лариса вернулась в комнату.

С каждым днем оптимизм, внушенный Лаптем и Машкой, заметно таял. Квартира, которая и прежде-то была непригодной для жилья, теперь превратилась уже в полную руину. Теперь здесь разве что можно было снимать фильм о гражданской войне где-нибудь на Ближнем Востоке или в Центральной Африке.

Из коридора раздался треск, грохот, а потом снова про-

звучал голос Лаптя:

– Лиса, ты только погляди!

На этот раз в его голосе была такая интонация, что Лариса не раздумывая устремилась в коридор.

Лапоть стоял посреди груды трухлявых ломаных досок и смотрел туда, где раньше была смутившая его стенка. Теперь на месте этой стенки зиял темный провал, в котором смутно виднелись какие-то непонятные предметы.

– Что здесь у тебя? – проворчала Лариса, подходя к приятелю. – Неужели и правда клад?

– Знаешь, как говорят – скелет в шкафу! – отозвался тот, протянув руку к пролому в стене.

– Что, правда скелет? – испуганно переспросила Лариса. Она готова была поверить в любую неприятность.

– Да нет, насчет скелета – это я так, для красного словца! Чтобы ты не скучала. Здесь оказался просто стенной шкаф, а в нем – какое-то старое барахло...

Глаза Ларисы привыкли к полутьме, и она действительно разглядела за разломанной стеной деревянные полки стенного шкафа, на которых стояли и лежали разные коробки, пакеты и свертки. Еще там было довольно много старых книг в потертых, выгоревших переплетах, а внизу, там, где не было полок, притулились детский трехколесный велосипед и деревянная лошадь на колесиках. Лошадь когда-то была ярко раскрашена, но от времени краски выцвели и потускнели, а один глаз вообще превратился в блеклое пятно.

Рядом с лошадей стоял черный стул с прорванным сиденьем и отломанной ножкой. Правда, спинка у стула была очень красивая, в сложной затейливой резьбе.

– Да, вот тебе и клад! – вздохнула Лариса. – Все это нужно прямиком отправлять на помойку.

Она почувствовала разочарование и раздражение. Нельзя сказать, чтобы она и вправду надеялась найти в этой квартире клад – но все же в этом было какое-то издевательство. Квартира как будто смеялась над ней, подсовывая под видом клада никчемное барахло. И ей захотелось отплатить этой квартире той же монетой – выбросить все, что можно, оставить голые стены, чтобы никаких воспоминаний о прошлом, чтобы можно было начать жизнь с чистого листа...

– Ты подожди! – возразил Лапоть. – Может, здесь и правда есть что-то ценное. Вот этот стул, например...

– Ты шутишь, что ли? Это не стул, это одни обломки! Кому они нужны?

– Не скажи! У меня есть знакомый мужик, он такую старую мебель собирает и реставрирует, он этот стул у тебя купит. Деньги, между прочим, заплатит. Может, конечно, и небольшие, но все же... тебе что – деньги не нужны?

– Еще как нужны... сам, что ли, не знаешь, – горестно вздохнула Лариса.

– Вот видишь! Да и кроме стула – вон сколько там всяких коробок! Прежде чем выбрасывать, нужно их проверить, вдруг в них что-то интересное...

– Вряд ли здесь есть что-то стоящее. – Лариса протянула руку и наугад взяла с полки первую попавшуюся книгу. На обложке было напечатано название: «Краткий нормативный справочник промышленных терморегуляторов».

– Вот тебе и клад! – проговорила она и бросила книгу на пол. – Все это нужно выбросить...

Следом за книгой она взяла картонную коробку – скорее всего, из-под обуви.

В этой коробке обнаружились хрупкие елочные игрушки – позолоченные шары, еловые шишки в блестках, белка с орехом в лапках, нарядный домик с яркими наличниками и ставнями, гирлянда из разноцветной мишуры.

– Вот это выбрасывать жалко, – пропыхтел Лапоть, который заглянул в коробку через плечо Ларисы. – Это наверняка редкость, твоим детям будет интересно.

– Детям! – фыркнула Лариса. – Детей у меня нет и в обозримом будущем не предвидится!

Однако что-то у нее в душе изменилось. Ей уже не хотелось выбрасывать все подряд. Она представила, как под Новый год кто-то развешивал эти игрушки на елке, представила свежий хвойный аромат, ощущение праздника...

На той же полке, где она нашла коробку с елочными игрушками, Лариса увидела старый фотоальбом в бархатном переплете с металлическими застежками. Она взяла альбом в руки, и он сам раскрылся примерно на середине.

Лариса вздрогнула – настолько неожиданным было совпа-

дение фотографии в альбоме с яркой картиной, только что промелькнувшей в ее мозгу.

На фотографии была новогодняя ель, украшенная разнообразными игрушками и сверкающими гирляндами, а около ели стояла нарядная девочка...

Нет, это была не просто девочка.

Это сама Лариса стояла возле елки в старомодном платье с рюшами. Но как... нет, это не может быть она! Это сходство ей просто почудилось, померещилось!

И тут же за спиной у нее раздался удивленный голос Лаптя:

– Надо же, как она на тебя похожа! Кто это?

– Ты считаешь, похожа? – вполголоса отозвалась Лариса, разглядывая фотографию.

– Удивительно похожа, я же хорошо помню, какой ты в первый класс пришла. Если бы не это платье, я бы подумал, что это ты в детстве. Но такие платья носили, самое малое, лет пятьдесят назад, а то и больше...

Лариса не успела удивиться, что Лапоть разбирается в детских платьях, она не могла оторвать взгляд от фотографии.

Снимок был черно-белым, но чем дольше Лариса смотрела на него – тем ярче, красочнее он ей казался.

– Так кто это может быть? – повторил вопрос Лапоть.

– Не знаю... может быть, отцовская тетка – та, что жила в этой квартире. Я ее никогда не видела, вообще до последнего времени не подозревала о ее существовании. Так что

ничего о ней не знаю. Наверно, она была одинокая, раз отцу квартиру оставила, стало быть, больше некому было...

– Вот видишь, а ты хотела все выбросить!

– Даже не знаю... – Лариса возражала из чистого упрямства.

Хотя не только. Ей хотелось избавиться от прошлого, от всех бывших неприятностей и унижений, начать все заново. И это старое барахло только мешало ей, мешало начать все заново, мешало забыть все бывшие неприятности...

– Не понимаю я тех людей, которые хранят каждую свою фотографию, – проговорила она, захлопывая альбом. – И уж тем более – фотографии совсем незнакомых людей.

– А это что такое? – Лапоть отодвинул обувную коробку со старыми фотографиями, видимо, не поместившимися в альбом, и вытащил из глубины шкафа небольшую деревянную шкатулку в затейливом узоре инкрустации. Шкатулка была потертая, кое-где поцарапанная, покрытая слоем застарелой копоти и какими-то пятнами, но видно было, что когда-то она была очень красивой. Так иногда сквозь морщинистое лицо состарившейся, неухоженной, опустившей руки женщины проглядывает ее былая красота.

– Владимир Михайлович, тот мой знакомый, который занимается старой мебелью, эту шкатулку тоже купит. Если, конечно, она тебе самой не нужна.

Лариса посмотрела на шкатулку – и вдруг почувствовала странное волнение. Словно встретила вдруг старого друга,

которого не видела много лет. И поняла, что никому ее не отдаст.

– Только, конечно, сначала нужно посмотреть, что там в ней, внутри, – продолжал Лапоть, в то же время поворачивая шкатулку и разглядывая ее со всех сторон.

– Закрыта она, – вынес он наконец вердикт, который и так был очевиден. – Закрыта, а ключа нет.

Лапоть потряс шкатулку – и внутри что-то загремело.

– Там что-то есть, – сообщил он Ларисе очевидное.

– Дай сюда! – Лариса с неожиданной злостью отобрала у него шкатулку – и ей самой стало стыдно этого внезапного чувства. Что это с ней такое происходит?

– Извини, – проговорила она смущенно, – я просто хочу сама на нее посмотреть.

– Да смотри, я что – возражаю? – Лапоть, кажется, обиделся, но постарался это скрыть за дурашливой ухмылкой Страшилы Мудрого. – Делай с ней что хочешь...

Лариса еще раз встряхнула шкатулку и поднесла ее к уху, прислушиваясь. Внутри что-то тяжело перекачивалось. Потом она оглядела ее со всех сторон.

На крышке, в самом центре потускневшего от времени узора, была замочная скважина, отделанная позеленевшей медью. Скважина была совсем маленькая, под маленький ключик. Лариса вдруг увидела, какой это должен быть ключик – медный, с красивой затейливой бородкой, на голубом шелковом шнурке.

– Почему голубом? – спросил Лапоть; оказывается, она произнесла последние слова вслух.

Лариса хотела оборвать его резко, чтобы не лез не в свое дело, но тут позвонила Машка. Голос у нее был расстроенный. Она сообщила, что брат ее Борька разругался со своей хахальницей и запил, потому что она его выгнала. Или сначала его выгнали, а после уж он запил. Что здесь причина, а что следствие – трудно разобраться.

Так или иначе, сейчас он дома, вид у него так себе, как говорят – с пустыни на пирамиду, и встречаться с ним неподготовленному человеку не рекомендуется. Она, Машка, уж как-нибудь с ним управится, не в первый раз и не в последний, к сожалению, а собаку отвела к соседям, потому что этот дурак (Борька, естественно) собаку дразнил и добился, что Генка покусал его до крови.

Так что вещи Ларисы она вынесет к подъезду, а надолго из дома отлучиться никак не может, а не то этот урод пьяный всю посуду перебьет и мебель переломает.

– Вот, – упавшим голосом сказала Лариса, – теперь ночуй хоть на вокзале.

Домой не пойдешь, да и не пустят ее, Антонина небось уже и замки новые вставила на радостях – с нее станется. А в комнату ее переселила Витьку, а в Витькиной собиралась сделать их с отцом спальню, уже и мебель присмотрела. В этой квартире, ясное дело, оставаться невозможно.

Что ж, придется попросить помощи у Вадима. В конце

концов, не убудет от него, если она переночует один раз. И вообще сегодня суббота, а по выходным они обычно встречаются. Черт, она же совершенно об этом забыла! Вот именно, совсем выскочило из головы, что она должна была вчера послать ему эсэмэску.

Это они так договорились – не звонить, а присылать текстовые сообщения. Инициатором, ясное дело, был Вадим. Мало ли, у него важная встреча или совещание, неудобно разговаривать. А так он получит сообщение, потом перезвонит. И вообще, обмен текстовыми сообщениями – это гораздо современнее, чем звонки. Раз он так настаивает... Лариса согласилась.

Но сейчас решила звонить – время дорого, этак она и на улице останется. Она оглянулась на Лаптя и вышла на лестницу с телефоном. На ее звонок никто не ответил. Лариса ждала долго, пока телефон сам не отключился.

Вот так вот. Сжав зубы, она снова соединилась. На этот раз телефон отключился почти сразу. Все ясно, Вадим сбросил ее звонок. И тотчас пришла эсэмэска: «Говорить не могу, у меня важная встреча».

– Какая, к дьяволу, встреча? – Ларисе захотелось бросить мобильник о стену. – Когда сегодня суббота!

«Вот именно, – услужливо подсказал ехидный внутренний голос, – вы не условились о свидании в субботу, и он нашел тебе замену. С ней и встреча».

– Не может быть, – пробормотала Лариса.

Хотя почему, в сущности, не может быть? Не она ли прошлой ночью размышляла, что их с Вадимом, в общем, ничего не связывает и нет у него перед ней никаких обязательств? Но ведь ей и в голову не пришло бы ничего такого, она ни на одного мужчину и не взглянула с тех пор, как у нее появился Вадим!

«То – ты, а то – он», – ехидно заметил внутренний голос, и Лариса не могла не признать его правоту. Но в данный момент ее гораздо больше волновало, где она будет сегодня ночевать. Ясно одно – квартира Вадима отпадает.

– Ты чего здесь? – выглянул Лапоть.

– Ничего, – Лариса почувствовала, что по щекам бегут злые слезы, – мне жить негде. Даже одну ночь негде перекантоваться.

Лапоть не бросился ее утешать, он напряженно размышлял, потом подтолкнул Ларису в квартиру, а сам остался на лестнице, чтобы позвонить. Вернулся довольный.

– Все устроилось. Сейчас едем к Владимиру Михайловичу, это тот, кто мебель реставрирует, у него мастерская большая, он тебе спальное место организует. Не бойся, мужик со странностями, но приличный, я его лет десять уже знаю. Заодно стул этот ему отвезем. А я завтра бригаду приведу, работу начнем.

Лаптя дожидался у подъезда скромный микроавтобус. Погрузились вместе со стулом, шкатулкой и альбомом и поехали к Машке. Встретив ее внизу, Лапоть предложил свои

услуги по усмирению буйного брата, но Машка сказала, что справится сама.

– Не волнуйся, не впервой! – отмахнулась она.

– Да я и не волнуюсь, знаю, что ты девка крепкая, сумеешь порядок навести, – по-свойски заметил Лапоть и погладил Машку по плечу одобрительно.

Машка чмокнула его в щеку и ушла. Отчего-то Ларисе не понравилось такое их прощание.

Мастерская находилась в здании спортивного бассейна. Сбоку в торце была небольшая дверь без надписи, но со звонком. На звонок открыл средних лет дядечка с седыми непричесанными волосами. На нем были пузырящиеся на коленях штаны и клетчатая рубаша, заляпанная краской. Пахло от дядечки какой-то едкой химией.

– А, это вы, – пробурчал он, глядя вбок. – Проходите.

Лариса оглянулась на Лаптя, тот успокаивающе кивнул – не удивляйся, дядька со странностями, но хороший. Реставратор повел их по узкому темному коридору куда-то вдаль.

– Голову берегите! – предупредил он, но Лариса не успела отреагировать, так что Лапоть просто схватил ее за волосы и пригнул голову вниз, а не то с размаху брякнулась бы она о трубу, которая пересекала коридор под потолком.

Помещение было большое, все заставленное мебелью, Лариса в полумраке ничего толком не разглядела. Увидев стул, который притащил Лапоть, реставратор оживился, даже дви-

жения его стали быстрыми и уверенными. Он включил лампу над широким верстаком, и они с Лаптем стали вертеть стул так и этак.

– Сделаем, – сказал реставратор, – только не скоро. Заказов много, не успеваю.

– Ладно. – Лапоть поглядел на часы и заторопился. – Вы уже здесь сами разбирайтесь, а я побежал.

И хоть Лариса ничего не спрашивала, объяснил:

– У меня сестренка родила, завтра из роддома выписывают, а сегодня мама приезжает, встретить надо.

Она даже не успела его как следует поблагодарить.

– Вот здесь, значит, можно устроиться, – бубнил Владимир Михайлович.

Он открыл скрипучую дверь и пропустил Ларису вперед, в маленькую комнатку, не комнатку – каморку. Эта каморка, как и все остальное пространство в мастерской, было заставлено старой мебелью в разной степени разрушения, только возле одной стены часть комнатки была расчищена, там стоял огромный старинный диван, обитый выцветшей коричневатой кожей.

– На этом, значит, диване, – бормотал хозяин. – Он, между прочим, исторический, когда-то этот диван принадлежал известному поэту Апухтину...

Лариса с тоской разглядывала престарелый диван и все это убогое помещение. Что делать, дареному коню, как из-

вестно, в зубы не смотрят, и других вариантов у нее просто нет. Вот только как насчет постельного белья...

Она не успела произнести этот вопрос вслух, а Владимир Михайлович, словно цирковой фокусник, достал откуда-то из недр допотопного дивана стеганое одеяло, подушку, две простыни и наволочку – штопанные, далеко не новые, но чистые, даже пахнущие свежестью и крахмалом.

Лариса хотела спросить, не принадлежали ли и эти простыни поэту Апухтину, но вовремя прикусила язык, поблагодарила хозяина – и он тут же исчез, что-то вполголоса бормоча.

А Лариса постелила на диване и легла.

Диван был ужасно неудобный, всюду торчали пружины, впиваясь в тело в совершенно неожиданных местах. А еще он был чудовищно скрипучий – он скрипел при каждом ее движении, чуть ли не при каждом вздохе, причем не просто скрипел. Диван издавал жалобные, мучительные стоны и подвывания, как провинциальный актер в трагической сцене. Казалось, этот диван жаловался на свою судьбу, на все несчастья, которые ему пришлось пережить за долгую жизнь, начиная с тех давних пор, когда на нем спал поэт Апухтин... Кто такой, что написал – Лариса понятия не имела. Имя такое в школе вроде слышала...

И тем не менее она умудрилась заснуть.

Ей снилась какая-то незнакомая квартира – большая, с высоким полутемным коридором, уходящим вдаль. По это-

му коридору ее вела девочка в старомодном платье с рюшами, девочка, удивительно похожая на саму Ларису.

– Кто ты? – спросила Лариса свою провожатую.

Но та вместо ответа прижала палец к губам и повела ее дальше, дальше по коридору.

Вот, наконец, коридор кончился, они подошли к высокой двери, из-под которой пробивалась полоска света. Девочка в старомодном платье распахнула эту дверь...

И Лариса на мгновение ослепла от хлынувшего из-за двери сияния, блеска, праздника. Всего на мгновение – потом она поняла, что это просто елка, новогодняя ель. Но какая!

Эта елка была под потолок, а потолок-то был не такой, как в малогабаритной хрущевке или в унылом девятиэтажном доме-корабле. Потолок в комнате был метра четыре, не меньше, и елка соответствующая. И вся она была увешана чудесными разноцветными игрушками, шарами, хлопушками, флажками и гирляндами.

Висели на этой елке и конфеты в удивительно красивых фантиках, и мандарины, завернутые в хрустящую золотую фольгу, и еще множество замечательных, чудесных вещей. Вещей, в которых взрослый человек не увидит ничего особенного, но которые для ребенка могут составить радость жизни.

А Лариса в этом сне была ребенком – и радость при виде этой удивительной елки переполнила ее сердце.

А ее провожатая – девочка в старомодном платье с рю-

шами – подошла к елке, протянула руку и сняла с ветки одну игрушку. Нарядный домик. Игрушечный домик с яркими наличниками и ставнями.

Девочка показала игрушечный домик Ларисе и посмотрела на нее с видом заговорщика – как будто хотела сказать ей что-то, что-то очень важное.

– Что? – спросила ее Лариса. – Что это за домик? Почему ты мне его показываешь?

Но девочка в старомодном платье вместо ответа покачала головой и приложила палец к губам. А потом взяла Ларису за руку и повела ее в глубину комнаты.

Там оказалось высокое зеркало в резной деревянной раме, почти такое же высокое, как елка. Девочка подвела Ларису к этому зеркалу и остановилась.

Лариса взглянула в зеркало – и увидела в нем двух девочек. Двух совершенно одинаковых девочек в одинаковых старомодных платьях с рюшами.

Девочки были так похожи друг на друга, что Лариса растерялась. То есть она в буквальном смысле потеряла себя – она не могла понять не только где ее отражение, но даже – которая из девочек перед зеркалом – она.

Это было страшно.

Чтобы справиться с этим страхом, чтобы найти себя, Лариса громко спросила:

– Которая – я?

При этом она следила за отражением в зеркале: у которой

из девочек зашевелились губы.

Но губы зашевелились у обеих, обе девочки в зеркале в один голос проговорили:

– Которая я?

И немедленно обе ответили:

– Догадайся сама.

В ту же секунду Лариса проснулась.

В первый момент она не могла понять, где находится. Точно не у себя дома, не в родительской квартире, которую давно уже перестала считать своим домом. Она испугалась, приподнялась – и сразу под ней заскрипели, застонали, завyli на разные голоса пружины, а одна из них впилась ей в бок.

Это было очень больно, но благодаря этой боли и этому жуткому скрипу Лариса все вспомнила. Вспомнила свою разоренную квартиру, вспомнила, как Лапоть героически взялся ей помогать с ремонтом, точнее, с реанимацией этой квартиры, и как он привел ее на ночь к своему знакомому, странному реставратору-мебельщику Владимиру Михайловичу.

Вспомнив все, она немного успокоилась и попыталась снова заснуть.

Но теперь это у нее никак не получалось.

При каждом движении диван выл и стонал, как настоящее привидение, и впивался в бока всеми своими пружинами.

Лариса попыталась не шевелиться.

На какое-то время наступила тишина, но потом эту тишину нарушил негромкий, но вполне отчетливый шорох.

Лариса покрылась холодным потом.

Она замерла, прислушалась...

И у нее не осталось никаких сомнений: она была в этой комнате не одна. Из дивана доносился самый страшный на свете звук, по мнению большинства женщин – мышинная возня, шорох маленьких лапок, даже тоненький писк.

Лариса вскочила с дивана, как будто ее подбросила катапульта, отскочила от него, налетела в темноте на что-то твердое и завизжала. Тут же раздался оглушительный грохот, как будто в комнате обрушилась горная лавина.

И вспыхнул свет.

На пороге стоял Владимир Михайлович. Он был в потертанных джинсовых шортах и выцветшей футболке с портретом Льва Толстого и надписью «Русская литература лучше, чем алкоголь». Лицо у него было помятое, заспанное и удивленное, волосы – растрепанные, и в них торчало несколько птичьих перьев.

– Что случилось? – спросил реставратор недовольным, хриплым спросонья голосом.

– Мыши, – ответила Лариса мрачно, сама понимая, насколько глупо это звучит. – В этом диване мыши...

– Да, – вздохнул Владимир Михайлович. – Есть такое дело. Извини, забыл предупредить... это вообще-то Ерофей Петрович недоглядел, надо ему на вид поставить...

Он повернулся и громко позвал:

– Ерофей Петрович, поди-ка сюда!

Лариса попятилась.

Она осознала, что стоит перед малознакомым мужчиной в одной футболке, а тот еще кого-то зовет... Что еще за Ерофей Петрович такой. Лапоть насчет Ерофея Петровича ее не предупреждал...

– Не надо его звать! – проговорила она испуганно. – Я хоть сначала оденусь...

– Ты что – Ерофея Петровича стесняешься?

– Конечно, я ведь его совсем не знаю, – пролепетала Лариса, натягивая футболку пониже, и покосилась на дверь.

Дверь чуть заметно качнулась, и на пороге появился...

На пороге появился огромный кот, черный, как ночь, с единственным белым пятном на морде.

– Познакомьтесь, – проговорил реставратор, – это Лариса, а это Ерофей Петрович.

– Так он кот! – с облегчением выдохнула Лариса.

– Разумеется! Котофей Ерофей.

Кот громко мурлыкнул, причем Ларисе показалось, что он вполне отчетливо выговорил «Очень прия-атно!»

– Мне тоже, – ответила она, и ей стало немного легче. Кот создавал вокруг себя атмосферу уюта и покоя.

– Ерофей Петрович, – строго проговорил хозяин, – твоя недоработка. Девушку побеспокоили мыши. Что же это такое – в доме кот, а мыши расплодились?

– Винова-ат! – отчетливо промяукал кот.

– Одними извинениями не отделаешься! – Хозяин стро-

го сдвинул брови. – Сделай что-нибудь! Девушке же спать негде! Мы же с тобой не можем оставить ее в безвыходном положении! Только на тебя остается надежда!

Кот взглянул на хозяина, потянулся и одним прыжком взлетел на диван. Там он немного потоптался, выгнул спину верблюдом и вдруг громко мяукнул, с переливами и завываниями.

Это было не просто мяуканье – это был настоящий охотничий клич, вроде того, какой издает лев, отправляясь за добычей в ночную саванну. Этим кличем Ерофей Петрович доказал свое близкое родство с царем зверей.

И тут же из дивана выскользнула мышь, тихонько пискнула и стремглав убежала к стене, где исчезла без следа.

Лариса при виде мыши поступила так, как она всегда поступала в такой ситуации, – оглушительно взвизгнула и одним движением вскочила на первый подвернувшийся предмет мебели. На этот раз это оказался комод красного дерева.

А представление на этом не кончилось: следом за первой мышью из дивана выскочила вторая, затем третья, четвертая... все они с паническим писком одна за другой перебежали комнату и скрывались в норке под плинтусом.

Что интересно – кот их не трогал, он только провожал их заинтересованным взглядом. Когда же последняя мышь скрылась в норке, Ерофей Петрович переглянулся с хозяином – теперь ты доволен? Что тебе надо еще от меня?

В душу Ларисы закралось подозрение, что кот с хозяи-

ном далеко не первый раз устраивают такое представление, но вслух она, конечно, ничего не сказала.

Владимир Михайлович повернулся к ней и проговорил:

– Все, мыши ушли и сегодня больше не вернутся, так что можете спать спокойно.

– Сегодня? – с опаской спросила она. – А завтра снова придут?

– Мне об их планах ничего не известно. В любом случае нужно будет попросить Ерофея Петровича, чтобы он их снова изгнал. У него это хорошо получается.

– А он... почему он их только прогоняет? – задала Лариса мучивший ее вопрос. – Другие коты...

– Вы хотите спросить, почему он на них не охотится? – Владимир Михайлович взглянул на кота. Кот скромно потупился и принялся умывать морду.

– Стесняется, придется мне за него объяснить. Ерофей Петрович – вегетарианец и пацифист. Он убежденный противник насилия, в любых его формах и проявлениях.

– Я о таком в жизни не слышала! – восхитилась Лариса. – Так он мышами совсем не интересуется?

– Нет, отчего же, он очень любит с ними играть. В кошки-мышки, разумеется.

– Удивительный кот!

– Что ж, мы с этим удивительным котом вас оставим. Мыши ушли, и все могут спать.

С этими словами Владимир Михайлович потянулся, зев-

нул во весь рот и вышел из комнаты. Кот же задержался на пороге и выразительно взглянул на Ларису своими изумрудными глазами. И Лариса неожиданно для самой себя проговорила:

– Котофей Ерофей, а может, ты останешься? На диване вполне хватит места двоим, и мне будет спокойнее – мыши при тебе не вернутся... оставайся!

И кот, как ни удивительно, понял ее. Он подошел к дивану, вспрыгнул на него, утоптал себе местечко и очень уютно устроился. При этом умудрился занять большую часть дивана.

– Не знаю, как насчет поэта Апухтина, а мне на этом диване места явно маловато. – Лариса кое-как умогилась на свободном месте и укрылась одеялом.

И от присутствия кота ей действительно стало гораздо лучше, гораздо спокойнее.

Хотя диван по-прежнему вонзался в ее бока ржавыми пружинами, хотя он по-прежнему жутко скрипел при каждом ее движении – но присутствие кота, его живое тепло под боком создало в душе Ларисы чувство удивительного покоя.

Она заснула – и снова видела какой-то длинный красивый сон, в котором была новогодняя елка, увешанная чудесными старинными игрушками, и девочка в старомодном платье...

А потом Лариса проснулась – проснулась окончательно. Разбудили ее странные звуки.

В комнате было уже довольно светло – насколько может

быть светло в захлавленной полуподвальной комнате.

Кота рядом не было. Хотя Лариса очень быстро обнаружила его, потому что именно кот издавал разбудившие ее звуки.

Ерофей Петрович катал по полу золотистый шар – одну из тех елочных игрушек, которые Лариса принесла из своей квартиры. Удивительно, что шар еще не разбился, – кот играл с ним очень деликатно, легко подталкивая мягкой бархатной лапой.

Он катал этот шар не просто так – он катил его через комнату в дальний угол, где были вывалены остальные елочные игрушки. Как он умудрился вывалить их из коробки и ничего при этом не разбить, осталось для Ларисы загадкой.

Видимо, Ерофей почувствовал, что она проснулась. Он покосился на нее, негромко мяукнул и еще раз поддал шар лапой.

Шар прокатился примерно метр и остановился перед игрушечным домиком из того же новогоднего набора. Перед домиком с яркими наличниками и ставнями.

Шар остановился перед самым крылечком. Кот повернулся к Ларисе и гордо взглянул на нее – что, каково? Видела, какой точный удар? Я ли не молодец?

– Гол! – проговорила Лариса одобрительно.

Кот мурлыкнул, встал в позу и поднял правую переднюю лапу, как каменный лев на крыльце старинного дворца. Эта лапа отчетливо указывала на игрушечный домик.

Кот снова мурлыкнул.

– Ты мне что-то хочешь сказать? – спросила Лариса. – Я не понимаю...

– Посмотр-ри! – отчетливо промяукал кот и осторожно потрогал домик лапой.

И в ту же секунду дверь домика распахнулась, и на пороге появилась девочка в старомодном платье с рюшами. Девочка, удивительно похожая на Ларису. В руках она держала крошечный домик с ярким ставнями и наличниками, игрушечный домик, похожий на тот, из которого она только что вышла.

– Кто ты? – удивленно спросила Лариса и сразу снова проснулась – на этот раз окончательно.

Она взглянула на часы – был уже десятый час, так или иначе пора вставать. Кот сидел возле стены в том самом месте, где вчера скрылись мыши, и умильно смотрел на норку. Услышав скрип дивана, он оглянулся на Ларису и приветливо мяукнул.

– Привет! – ответила ему Лариса.

Она взглянула туда, где лежала коробка с елочными игрушками. Коробка была цела и невредима, никто ее не тронул. Лариса поднялась с дивана, словно на автопилоте пересекла комнату, открыла коробку и взяла в руки игрушечный домик. Точно такой же, как тот, что она видела во сне, точнее – в обоих своих снах.

Какой-то голос внутри ее говорил, что она сходит с ума,

разговаривает с котом и прислушивается к его советам, — но она отмахнулась от этого голоса.

Она вспомнила свой сон. В этом сне девочка в старомодном платье, девочка, удивительно похожая на нее саму, тоже показывала на этот домик. И потом она вышла из него... Конечно, это выглядит глупо и странно, но почему бы не осмотреть этот домик? Во всяком случае, это не займет много времени.

Домик был сделан из тонкого глянцевого картона, он должен быть легким — но казался тяжелее, чем ожидалось, как будто внутри его что-то было спрятано.

А может, там и в самом деле что-то спрятано?

Лариса встряхнула домик.

Никаких звуков при этом она не услышала.

Ей не хотелось портить красивую игрушку. Она подцепила ногтем одну из ставней — и ставни открылись, за ними оказалось окно, через которое Лариса смогла заглянуть в домик. Она почувствовала себя Гулливером, заглядывающим в жилище лилипутов. Правда, самих лилипутов дома не было.

Внутри домик тоже был красиво разрисован — там была беленая русская печь, и полка с горшками и чугунками, и лавка, и домотканый коврик на полу, а на этом нарисованном коврике сидел нарисованный кот, похожий на Ерофея Петровича.

А еще к этому коврику был приклеен ключ.

Маленький, старинный медный ключ с затейливой бород-

кой – точно такой, какой привиделся ей, когда она разглядывала теткину шкатулку.

Ключ был приклеен к полу домика кусочком скотча, поэтому он не гремел, когда Лариса встряхивала этот домик.

Она огляделась по сторонам в поисках подходящего инструмента и увидела на комоде красного дерева (том самом, на который вскочила ночью при виде мышей) маленькую отвертку с тонким наконечником. Именно то, что надо.

Запустив кончик отвертки в окно игрушечного домика, Лариса подцепила ключ, осторожно оторвала его от картонного пола и вытряхнула на ладонь.

Да, именно такой ключ она вообразила, разглядывая замочную скважину шкатулки. Маленький, с затейливой фигурной бородкой, на голубом шелковом шнурочке.

Ей хотелось немедленно попробовать, хотелось открыть шкатулку этим ключом – но в то же время она не решалась это сделать, словно что-то ее останавливало.

Чтобы как-то оттянуть неизбежный момент, Лариса оделась, застелила постель...

Дольше тянуть не было смысла.

Она достала из сумки шкатулку, поставила ее на комод, взяла в руку ключ.

Сердце ее билось от волнения, во рту пересохло.

Что она найдет в этой шкатулке?

Ей почему-то стало страшно, ей показалось, что то, что она там найдет, изменит ее жизнь.

Да что такое с ней происходит? Чего она боится? Почему так волнуется? Скорее всего, в этой шкатулке нет ничего интересного, ничего важного...

Лариса вставила ключ в скважину – и он идеально подошел, отпали всякие сомнения, что это – ключ от шкатулки. Она решительно повернула ключ...

Раздались первые такты песенки Бетховена «Сурок». Шкатулка, ко всему прочему, оказалась музыкальной. Мелодия затихла, и крышка шкатулки откинулась.

Лариса заглянула внутрь и не сумела сдержать разочарованный вздох.

Да, минуту назад она волновалась, боялась открыть эту шкатулку – но в то же время надеялась, что найдет там что-то необыкновенное, восхитительное, какую-то старинную драгоценность – перстень с крупным изумрудом, серьги с аметистами, бриллиантовую диадему... Хотя бы несколько золотых монет с чеканным профилем какого-нибудь императора. Что-то, что поможет ей выбраться из нищеты, изменить свою жизнь. Хотя, если задуматься, откуда у тетки могли взяться старинные драгоценности или золотые монеты?

В шкатулке не было никаких драгоценностей, никаких монет. В ней лежали только три непонятных предмета, явно не золотые и даже не серебряные, то ли железные, то ли сделанные из потемневшей от времени меди.

Это были вытянутые металлические пластинки, заостренные с одной стороны и с продольным отверстием на другом

конце, немного напоминающие листья ивы, покрытые тонким, изящным узором и какими-то непонятными буквами.

– Что это за дребедень, – проговорила Лариса разочарованно, собираясь закрыть шкатулку.

– Вовсе это не дребедень! – раздался у нее за спиной хрипловатый мужской голос.

Лариса вздрогнула и обернулась.

Она ничуть не удивилась бы, увидев за своей спиной кота. Она привыкла уже к мысли, что тот умеет говорить и что по каждому поводу у него имеется собственное мнение.

Но это был не кот.

За спиной у Ларисы стоял Владимир Михайлович – такой же растрепанный, как ночью, в той же футболке с портретом Льва Толстого и философской надписью. Только вместо потрепанных джинсовых шортов на нем были такие же потрепанные джинсы.

– Вы меня напугали, – проговорила Лариса смущенно. – Я не слышала, как вы вошли.

– Я стучал, – ответил Владимир Михайлович. – Видимо, вы увлеклись этой шкатулкой и не слышали. И кстати, это действительно вовсе не дребедень, уж вы мне поверьте.

– А что это такое? – спросила Лариса, и в душе у нее снова вспыхнула надежда.

– Это наконечники для стрел, – ответил реставратор и осторожно взял одну из металлических пластинок. – Видите, вот это острое, а это втулка, в которую вставляли древко

стрелы. Сразу видно, что наконечники эти непростые, очень старинные, скорее всего, средневековые, а то и более ранние, и очень тонкой работы. Точнее я вам сказать не могу, я не специалист.

– А мне казалось, что вы во всем разбираетесь, – поддела его Лариса.

– Что вы. В старинной мебели еще туда-сюда, а в оружии очень слабо...

– Но эти наконечники, они ценные?

– Уверяю вас – очень ценные. Но чтобы ответить точнее, нужно показать их специалисту. Кстати, я знаю одного очень хорошего специалиста в этой области.

Он наклонил голову к плечу, разглядывая странные железки, потом повернулся к Ларисе:

– Что вы скажете, если я возьму у вас один из этих наконечников, чтобы показать его своему знакомому?

– Один? – переспросила Лариса.

– Да, один. Я не хочу носить их все по городу, вы же понимаете, это опасно, и вам будет гораздо спокойнее, если два наконечника останутся у вас.

Лариса представила свою разгромленную квартиру.

Вот уж действительно не самое подходящее место для дорогих артефактов!

– У меня, – проговорила она смущенно. – А нельзя пока оставить их у вас?

– Конечно, – кивнул Владимир Михайлович, – если вы

мне доверяете. У меня есть сейф для всяких ценных вещей, я положу туда оставшиеся два наконечника.

Лариса смотрела на него удивленно.

Кажется, этот взрослый и даже немолодой человек всерьез считает, что эти ржавые железки – большая ценность. Даже хочет положить их в сейф, как драгоценности. Может быть, ее жизнь благодаря им в самом деле изменится?

– Да, конечно, возьмите! – Она отступила от комода, на котором стояла шкатулка, – и в этот момент ощутила смутное беспокойство. Ей не хотелось отдавать даже один наконечник в чужие руки. В конце концов, она только вчера познакомилась с Владимиром Михайловичем, кто его знает – может быть, он жулик...

С другой стороны, он сам сказал ей, что эти железки ценные, если бы хотел обмануть – мог и не говорить этого... ей самой это и в голову бы не пришло!

Тем временем Владимир Михайлович бережно достал наконечники из шкатулки, один завернул в кусочек замши и положил в карман, два других спрятал в картонную коробочку и кивнул Ларисе:

– Пойдемте, я покажу, где они будут храниться.

Он прошел в соседнюю комнату – там у него, судя по всему, была оборудована мастерская. Всюду стояли и лежали целые предметы мебели и отдельные детали из ценных пород дерева, пахло старым деревом и столярным клеем. Большую часть этой комнаты занимал огромный буфет из резного ду-

ба.

К этому-то буфету и подошел Владимир Михайлович.

Он открыл резную дверцу, за которой оказался самый обычный бар, – несколько разноцветных бутылок с коньяком и виски. Лариса подумала, что это не самое надежное место для дорогих вещей.

Однако Владимир Михайлович не торопился убирать коробку с наконечниками. Вместо этого он взялся за стоявшую с краю темную, запыленную бутылку.

«Он что, – удивленно подумала Лариса, – собирается выпить с утра пораньше?»

Однако дальше произошла странная вещь.

Владимир Михайлович повернул бутылку вокруг оси – и боковая стенка буфета отодвинулась в сторону, а под ней оказалась металлическая дверца сейфа с замочной скважиной. Реставратор достал из кармана ключ, вставил в скважину, открыл сейф.

Лариса, которая с любопытством наблюдала за действиями Владимира Михайловича, заглянула в сейф и увидела там несколько красивых бронзовых и фарфоровых пластинок. Перехватив ее взгляд, реставратор пояснил:

– Это накладки для мебели в стиле рококо, некоторые из них стоят больших денег. Особенно вот эти, фарфоровые – они изготовлены в XVIII веке на Севрской мануфактуре.

В этот же сейф он положил коробку с наконечниками для стрел, после чего запер сейф и закрыл потайную секцию бу-

фета. От тайника не осталось и следа.

Такси остановилось перед типовым девятиэтажным домом. Пассажирская дверца распахнулась, из машины, опираясь на палку, выбрался худенький старичок в старомодной соломенной шляпе. Сутулясь и прихрамывая, он направился к ближайшему подъезду.

Это был не жилой подъезд, над его металлической дверью красовалась медная табличка следующего содержания:

«Омела. Центр друидической медицины, самопознания и самосовершенствования».

С видимым трудом поднявшись на крыльцо, старичок остановился, перевел дыхание и нажал кнопку звонка.

Раздался мелодичный удар гонга, и приятный женский голос проговорил:

– Чем я могу вам помочь? Вы пришли по поводу самопознания или для оздоровительных процедур?

– Для начала откройте мне дверь.

Голос старичка прозвучал неожиданно твердо и властно. И эта властная интонация подействовала – замок негромко щелкнул, и дверь открылась.

Старичок вошел внутрь – и сразу же неуловимо изменился.

Спина его выпрямилась, походка стала твердой и уверенной, хромота и сутулость бесследно исчезли. Старичок (впрочем, теперь его трудно было назвать старичком) снял

свою старомодную шляпу – и сразу чья-то услужливая рука ловко подхватила ее и повесила на вешалку, сделанную из настоящих турьих рогов. А по плечам старика рассыпались длинные серебряные волосы, придав ему значительный и даже, пожалуй, величественный вид.

Помещение, в которое он вошел, выглядело как обычная офисная приемная. Возле двери стоял диван для посетителей, перед ним – низкий стеклянный столик, на котором лежала стопка медицинских проспектов. На стенах висели рекламные плакаты, предлагавшие клиентам чудодейственные лекарства и биологически активные добавки на основе омеги и других лекарственных трав.

За хромированной стойкой перед открытым ноутбуком сидела молодая женщина с пышными темно-рыжими волосами. При виде посетителя она вскочила, выбежала из-за стойки навстречу ему и пролепетала, задыхаясь от волнения:

– Степан Платонович, мы не ждали... мы не надеялись... это для нас такая честь...

– Все на месте? – сухо осведомился старик, направляясь к двери за стойкой.

– Сильвии Артуровны нет, она уехала на склад.

– Обойдемся!

Старик величественно прошествовал через приемную. Он по-прежнему слегка опирался на свою палку – но теперь это не казалось проявлением старческой немощи, напротив, придавало ему еще большую властность и представитель-

ность.

Толкнув дверь, старик вошел в обычный кабинет.

Впрочем, кабинет этот был не совсем обычным. Вместо плакатов, рекламирующих всевозможную медицинскую дребедень, на стенах были развешены цветные постеры с изображением древних руин и развалин каких-то храмов, а также мегалитических построек – дольменов и менгиров. На видном месте красовалась фотография Стоунхенджа. Можно было подумать, что здесь находится офис не псевдомедицинской фирмы, а туристического бюро. Кроме этого среди постеров имелись две или три афиши оперы «Норма».

Из скрытых динамиков раздавался чудный голос – ария Нормы «Casta diva» в исполнении Марии Каллас.

За массивным рабочим столом сидел приземистый мужчина лет пятидесяти, с маленькими глазами, квадратным подбородком и обвислыми щеками, придававшими ему сходство с бульдогом. Руки его тяжело лежали на столе.

По правую руку от него находилась женщина лет тридцати – красивая брюнетка с большими выразительными глазами и рассыпанными по плечам волосами цвета воронова крыла.

По левую руку сидел очень худой мужчина неопределенного возраста с орлиным носом и острым подбородком. Вообще, все в этом человеке было удивительно острое, от угловатых плеч до пронзительного взгляда, казалось, пожав ему руку, можно порезаться.

– Хорошо устроился, Варавва! – проговорил старик, пристально глядя на «бульдога». – Удобно тебе в этом кресле?

– Извините, Степан Платонович, не ждали. – «Бульдог» покраснел и начал подниматься.

– Ничего, сиди, сиди! – Старик милостиво кивнул, прошел в угол кабинета и остановился перед глубоким кожаным креслом с подлокотниками в форме львиных лап. – Я пока здесь посижу. Разговор у нас будет недолгий.

Он расправил плечи и бросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Одеться!

Все трое присутствующих вскочили со своих мест и, обгоняя друг друга, бросились к стенному шкафу.

Буквально через секунду старик был облачен в длинную мантию из черного бархата, отделанную серебряным шитьем. На серебряных волосах красовался венок из омелы. Он восседал в кресле, как на королевском троне, опираясь на свою трость.

– Музыку потише! – распорядился величественный старец.

Кто-то приглушил музыку.

– Итак, – старец оглядел присутствующих, – все, кроме Сильвии, здесь.

– Она на складе, – подсказал Варавва.

– Знаю. – Степан Платонович небрежно махнул рукой. – Обойдемся. Проинформируете в рабочем порядке. Я при-

шел, чтобы сообщить вам важную новость.

Старик сделал паузу – и в комнате наступила напряженная тишина, нарушаемая только едва слышным голосом оперной дивы.

– Они появились! – торжественно провозгласил Степан Платонович.

Остальные заговорили одновременно.

– Вы уверены? – проговорил Варавва и ослабил воротничок рубашки – должно быть, ему стало трудно дышать.

– Как давно мы этого ждали! – воскликнула брюнетка, и ее красивое лицо порозовело.

– Что нужно делать? – осведомился угловатый мужчина и невольно прикоснулся к пиджаку, под которым просматривался пистолет.

Старик ответил всем троим:

– Я не говорю того, в чем не уверен. Если я сказал, что они появились, – значит, так и есть. Мне сообщили об этом те, кто не ошибается. Да, ждали мы очень давно. Очевидно, что делать – взять то, что наше по праву. Взять, чего бы это ни стоило.

Ответив своим собеседникам, он снова сделал значительную паузу, после чего добавил:

– И вы знаете, что времени у нас очень мало. Мы непременно должны управиться до летнего солнцестояния, чтобы провести церемонию по всем правилам.

Он замолчал, затем вскинул голову и приказал, ни к кому

конкретно не обращаясь:

– Музыку погромче!

Кто-то прибавил звук, и помещение наполнилось божественным голосом Марии Каллас.

Владимир Михайлович доехал до Исаакиевской площади, припарковал машину, подошел к мрачному зданию из серого камня. Над входом висела табличка:

«Всероссийский институт археологии».

Владимир Михайлович вошел в холл института.

Впрочем, холл – это громко сказано: за дверью был маленький пяточок перед лестницей, из которого еще выгородили деревянным барьером крошечный закуток для охранника. Охранник этот был пожилым мужчиной с квадратной фигурой, квадратным лицом и серыми зализанными волосами. В нем было что-то от состарившегося старшины-сверхсрочника.

При виде Владимира Михайловича этот состарившийся сверхсрочник лязгнул стальными зубами и проговорил:

– Кто – куда – зачем – на каком основании?

От неожиданности Владимир Михайлович, человек сугубо штатский, невольно вздрогнул и вытянулся по стойке «смирно». В следующий момент он осознал, что находится не в казарме и не на плацу, а в серьезном академическом институте. Расслабившись, он примирительным тоном проговорил:

– Я к профессору Цапелю, на консультацию.

Охранник взглянул на посетителя неодобрительно, выразив в этом взгляде все, что он думает о штатских. Однако возражать он не стал, сделал какую-то пометку в толстом журнале и строго проговорил:

– Цапель – второй этаж, комната номер двести пять!

Владимир Михайлович поблагодарил и направился к лестнице.

Коридор второго этажа был отгорожен от лестничной площадки стеклянной дверью, на которой красовалась табличка:

«Отдел поздней античности и раннего Средневековья».

Владимир Михайлович толкнул эту дверь и пошел по коридору, читая номера и таблички на дверях: «Северное Причерноморье», «Печенеги и половцы», «Гиперборея»...

Наконец он подошел к двери с номером двести пять. На этой двери было сразу две таблички: «Скифы и сарматы» и «Начальник отдела профессор Б. И. Цапель».

Владимир Михайлович толкнул дверь и вошел в большое полутемное помещение.

И испуганно попятился.

Прямо напротив двери стоял рослый бородатый воин в кованом шлеме и кожаном панцире, в руках у него был короткий лук, наложенная на тетиву стрела смотрела прямо в грудь посетителя. Лицо этого дикаря искажала свирепая усмешка.

Дверь за спиной Владимира Михайловича с громким стуком захлопнулась. Этот звук привел реставратора в чувство, он понял, что перед ним – искусно выполненный манекен, одетый в доспехи средневекового кочевника. Владимир Михайлович перевел дыхание и крикнул в глубину помещения.

– Цапля, ты здесь?

– Смотря кто меня спрашивает! – отозвались из дальнего конца комнаты.

– Это я! Ты что, не узнаешь?

– Ты, что ли, Воробей?

– Он самый! А ты ждал кого-то другого?

Из-за спины кочевника выглянул худощавый, очень загорелый человек удивительно маленького роста. Седые волосы на его голове были забраны в длинный конский хвост, на носу криво сидели круглые очки в металлической оправе.

– Правда, ты! – проговорил он, разглядев посетителя. – А что ты у дверей топчешься?

– Да больно у тебя привратник строгий!

– Это ты о Егидее? – Хозяин кабинета похлопал кочевника по плечу. – Это он только с виду такой суровый, а на деле – милейший парень! И выпить не дурак...

– Зачем ты его поставил перед самой дверью? – спросил Владимир Михайлович, опасливо обходя кочевника.

– Чтобы отпугивать нежелательных посетителей. На прошлой неделе к нам в институт нагрянула комиссия из министерства, так представляешь – увидели его и обошли мой от-

дел стороной. Кроме того, Егидей помогает мне проверять студентов на профпригодность. Если будущий археолог испугается простого скифского воина – он категорически не годится для своей профессии!

– Да, значит, я не гожусь в археологи, – вздохнул реставратор. – Ничего не поделаешь!

– Брось дурачиться, Воробей! Рассказывай, зачем пришел. Не затем же, чтобы обсуждать Егидея.

– Нет конечно. Я хочу показать тебе один занятный артефакт. Меня интересует твое мнение...

– Артефакт? Что за артефакт?

– Наконечник стрелы.

– Ты же знаешь, такие наконечники в причерноморских степях находят сотнями.

– Подожди с суровым приговором, сначала взгляни!

За разговором приятели прошли в дальний конец комнаты. Вся эта комната была заставлена застекленными витринами, внутри которых лежали старинные монеты, миниатюрные фигурки из металла и слоновой кости, заржавленные застежки, наконечники копий и стрел и прочие изделия наших отдаленных предков. Наконец профессор остановился перед рабочим столом, включил над ним яркую люминесцентную лампу и проговорил, потирая руки:

– Показывай, что принес!

Владимир Михайлович достал из кармана маленький сверток, положил его на стол, осторожно развернул.

Профессор наклонился над столом, часто-часто заморгал, ловко поймал соскользнувшие очки, полез в карман, достал оттуда лупу в старинной серебряной оправе и стал внимательно и подробно разглядывать металлическую пластинку.

Наконец он оторвался от нее и повернулся к реставратору.

– Где ты это взял?

– Ты же знаешь, Цапля, при моей работе что только не попадает в руки.

– Нет, говори честно, Воробей, где ты это взял?

– Так что, это действительно большая редкость? – Владимиру Михайловичу передалось волнение профессора.

– Редкость? – Профессор фыркнул, как рассерженный кот. – Это не редкость, Воробей! Это легенда, это настоящая фантастика! Большая часть моих коллег твердо убеждена, что этого просто нет, что это выдумка!

– Да говори же наконец, Цапля, что это такое?

– Что это такое? Это открытие мирового масштаба! Это сенсация! Это мой пропуск в вечность! Если это то, что я думаю, я стану самым знаменитым археологом XXI века! Я встану в один ряд с Шлиманом!

– При чем здесь ты? – Реставратор попытался охладить приятеля. – Это ведь не ты нашел...

– Да, действительно, извини, я не собираюсь присваивать твои лавры. Так расскажи – где ты взял этот наконечник?

– Сначала ты скажи мне, что он из себя представляет. Чья это работа – скифы? Сарматы?

– При чем здесь скифы? – Профессор взглянул на приятеля поверх очков. – При чем здесь сарматы? При чем здесь вообще Азия? Ты разве не разглядел эти знаки на поверхности наконечника?

– Да, они похожи на руны... Но я подумал: рунические надписи попадают в самых разных местах...

– Попадают! – передразнил его профессор. – Именно, что попадают. Здесь мы видим не просто руническую надпись – здесь мы видим магическую надпись, выполненную секретным письмом, которым могли пользоваться только друиды. И вот этот знак... ты видишь его? Это один из трех священных знаков, составлявших имя божества, которое друиды призывали во время праздника летнего солнцеворота! Имя божества, которому был посвящен Стоунхендж!

– Друиды... Стоунхендж... – растерянно проговорил Владимир Михайлович. – Это ведь не твоя область археологии. Ты занимаешься скифами и сарматами.

– Да, я занимаюсь скифами и сарматами, потому что по ним в нашей стране есть богатый материал. Но вообще, основная сфера моих научных интересов – это культура древних кельтов. Это была удивительная культура, которая в первом тысячелетии до нашей эры распространилась на огромной территории от Британии до Украины...

– Насчет Британии я знаю, – перебил профессора Владимир Михайлович, – в Британии и сейчас живут потомки

кельтов – шотландцы, ирландцы, валлийцы, но Украина... ты ничего не путаешь? Насколько я знаю, кельтские племена, они же галлы, обитали в Западной Европе, на территории современной Франции и Великобритании.

– Я никогда ничего не путаю! – обиделся Цапель. – О Франции, которую римляне называли Галлией, известно всем. Но кельтские племена две с половиной тысячи лет были распространены гораздо шире. Названия этих племен остались даже на современной карте Европы. Бельгия получила свое название от многочисленного кельтского племени белгов, племя гельветов дало название Гельвеции, которую мы называем Швейцарией, небольшое воинственное племя бойев дало название Богемии – исторической области в современной Чехии...

– Да, богемский хрусталь знают во всем мире, – вставил Владимир Михайлович.

– Совершенно верно!

– Но как же насчет Украины?

– Очень просто. В Европе есть две исторические области с одинаковым, или почти одинаковым, названием, расположенные почти на самом западе и почти на самом востоке материка – испанская Галисия и Галиция, область на западе Украины. Обе они получили свое название потому, что и там, и там в далеком прошлом обитали галлы.

– Никогда бы не подумал!

– Тем не менее это так. В пору своего расцвета племена

кельтов, или галлов, владели территорией от Ирландии до северной Греции, Чехии и Галиции. Конечно, все эти племена отличались друг от друга, но и в их внешности, и в обычаях, и в языке было много общего.

Они поклонялись одним богам – Таранису, Цернунну, Эзусу, Бригантии, Лугу, Тевгату, Беленусу, Озмеусу и другим, они совершали в честь этих богов одни и те же обряды. Самое главное – во всех этих племенах важную роль играли кельтские жрецы – друиды. Друиды пользовались рунической письменностью – тоже общей для всех кельтских племен, но самые важные знания, донесенные из глубокой древности, они хранили в своей памяти, эти знания не разрешалось записывать даже священными рунами, их передавали устно от учителя к ученику, поэтому молодой друид должен был развивать и тренировать свою память.

– Все это очень интересно, но какое отношение к этой древней истории имеет наконечник стрелы, который я тебе принес?

– Самое прямое. Видишь эти руны, начертанные на острие наконечника? Первая из них имеет значение «Солнце», вторая – «Равенство» или «Справедливость». Вместе они обозначают день летнего солнцестояния, или солнцеворота. Этот день играл в религии друидов огромную роль. С этого дня для кельтов начинался новый год. Именно на рассвете этого дня друиды собирались в каменных святилищах – самое известное из них это Стоунхендж в Британии.

Каменные святилища, или кромлехи, сооружались таким образом, чтобы в день летнего солнцестояния светило поднималось над землей в просвете каменных ворот. И вот в этот самый миг главный друид должен был одну за другой выпустить в поднимающееся солнце три священных стрелы. От того, куда падали выпущенные им стрелы, зависело, каким будет наступающий год, будут ли обильными урожаи, принесет ли скот богатый приплод, вернутся ли кельтские воины с победой из очередного похода. Так вот, наконецники трех священных стрел были одной из главных святынь друидического культа...

– И этот наконецник – один из них? – с удивлением и недоверием переспросил Владимир Михайлович.

– Конечно, еще рано утверждать это, – осторожно ответил ему профессор, – я должен провести тщательную экспертизу. Но, знаешь, глаз ученого не хуже самого современного оборудования отличает подлинный артефакт от подделки, и я тебе скажу: я почти не сомневаюсь, что передо мной – один из трех священных наконецников...

Владимир Михайлович хотел сказать своему старому приятелю, что знает, где находятся и два других наконецника, но в это время зазвонил его мобильный телефон.

Реставратор извинился перед профессором, достал телефон из кармана и ответил:

– Воробьев слушает!

В трубке раздался незнакомый голос:

– Мне дал ваш телефон один мой знакомый, которому вы отлично отреставрировали письменный стол красного дерева...

– Да, я занимаюсь реставрацией мебели.

– Так вот, не могли бы вы приехать ко мне прямо сейчас?

– Почему такая срочность? Реставрация – работа неторопливая, она не выносит спешки.

– Да, я понимаю, но мне нужно срочно освободить комнату покойного дяди, а здесь очень красивый старинный секретер. Только он в плохом состоянии. Так вот, если вы сможете осмотреть его и взять в реставрацию, то нужно сделать это прямо сейчас. Иначе новые жильцы выкинут секретер.

Владимир Михайлович забеспокоился. Он не раз видел, как прекрасные образцы мебельного искусства попадали на помойку и безвозвратно погибали из-за глупости и безграмотности наследников, и считал своим долгом предотвращать такие случаи. Конечно, работа реставратора приносила ему хлеб насущный, но в ней было еще что-то от служения вечности – он старался сберечь для потомков прекрасные изделия мастеров прошлого.

Поэтому и сейчас он не смог остаться равнодушным.

– Я немедленно приеду! – торопливо проговорил он в трубку. – Защитите этот секретер до моего появления!

– Я постараюсь. Записывайте адрес!

Спрятав телефон, Владимир Михайлович повернулся к профессору:

– Цапля, извини, я должен срочно уехать. Думаю, часа за два-три я управлюсь.

– Вот и ладно! – Археолог потер руки. – А я за это время успею проделать хотя бы предварительную экспертизу и скажу тебе, настоящий это наконецник или подделка. Конечно, только предварительно.

Владимир Михайлович спустился по лестнице и прошел мимо поста охраны. Бывший сверхсрочник не поднял на него взгляда – он увлеченно разгадывал кроссворд.

Небольшая группа всадников выехала из леса и остановилась на опушке.

Немудрено, что всадники остановились. Впереди, в нескольких сотнях ярдов возвышалась величественная громада собора. Собор вздымался к небу двумя своими башнями, как будто обеими руками тянулся к самому Создателю. Весь он был как обращенная к небесам каменная молитва. Одну из башен окружали строительные леса – то ли была не достроена, то ли ее чинили. Но и это не умаляло строгой красоты сооружения.

Только потом они увидели город – опоясывающие его каменные стены, выглядывающие из-за стен кровли домов, покрытые соломой и черепицей. Все, даже крепостные стены, терялось на фоне собора, все казалось рядом с ним ничтожным, как мелкий кустарник вокруг могучего дуба. По замыслу строителя этот разительный контраст должен был напомнить жителям и особенно гостям, вроде тех путни-

ков, что остановились на опушке леса, о ничтожестве человека перед величием и могуществом Церкви.

— Вот мы и добрались! — проговорил всадник, возглавлявший небольшую кавалькаду.

Это был мужчина тридцати с лишним лет с открытым мужественным лицом. Его одежда — куртка-сюрко из хорошего сукна, отороченного бобровым мехом, и заломленная на один бок фетровая шляпа, отделанная серебристой фламандской тесьмой, — выдавала мелкого помещика, джентри. Ехал он на красивом гнедом коне с дорогой упряжью.

Спутники его были одеты скромнее, как одеваются обычно свободные земледельцы-йомены. Их было четверо. Один особенно бросался в глаза. Это был детина огромного роста с уродливым шрамом на левой щеке. Он ехал следом за джентльменом и был, скорее всего, его личным слугой. Вторым слуга, совсем молоденький юноша, с удивлением глядел на открывшийся перед ним город. Должно быть, ему никогда прежде не случалось покидать родную деревню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.